

УДК 316.347
ББК 60.545.1
Ф21

Франц Фанон.

Черная кожа, белые маски / пер. с франц.

Дмитрия Тимофеева. – М.: Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 224 с.

Громогласный голос мартиниканского теоретика и вдохновителя революционной борьбы за деколонизацию в странах третьего мира Франца Фанона (1925–1961) оказал принципиальное влияние на формирование идентичности чернокожих и послужил толчком для разработки критической расовой теории. Книга «Черная кожа, белые маски» является одной из самых значимых его работ. Впервые опубликованная в 1952 году, она получила высокую оценку научного сообщества за поэтическое изящество и непревзойденное, глубокое исследование психики чернокожих в белом мире. Выстраивая свою критику на полевом материале, собственном опыте, философии и психоаналитической теории, Фанон вьедливо изучает истоки расизма самого различного толка: скрытого, самонаправленного, подсознательного... Публикация этой работы на русском языке – по-настоящему важное событие, поскольку она позволяет увидеть в совершенно новом ракурсе целый ряд социокультурных явлений, имеющих место сегодня.

GARAGE

ISBN 978-5-6045383-5-7

Все права защищены
© Éditions du Seuil, 1952 et 1971
© Музей современного искусства «Гараж», 2022
© Дмитрий Тимофеев, перевод, 2022
© Константин Ерёмченко, дизайн-макет, 2022

Оглавление

6	Введение
14	I. Чернокожий и язык
37	II. Цветная женщина и белый мужчина
57	III. Цветной мужчина и белая женщина
77	IV. Мнимый комплекс зависимости у жертв колонизации
102	V. Опыт бытия чернокожего
135	VI. Чернокожий и психопатология
201	VII. Чернокожий и признание А. Чернокожий и Адлер
208	Б. Чернокожий и Гегель
214	Вместо заключения

Введение

Я говорю о миллионах людей, которым искусно внушили чувство страха и тревоги, комплекс неполноценности, ощущение покорности, унижения и отчаяния.

Эме Сезер. Речь о колониализме (Discours sur le colonialism, 1955)

Сегодня взрыва не будет. Еще слишком рано для этого... или уже слишком поздно.

Я не вооружен абсолютной истиной.

Вечный свет не пронизывает мое сознание.

И тем не менее, пребывая в полной ясности ума, я считаю необходимым сказать вам кое-что.

Сказать, а не прокричать. В моей жизни давно уже нет места крику.

Очень давно...

Почему я решил писать эту книгу? Ведь никто меня об этом не просил.

В первую очередь — те, к кому я обращаюсь.

И что с того? Я просто хотел бы заявить: мир полон идиотов. И, констатируя этот факт, я собираюсь его подтвердить.

Во имя новой человечности...

Взаимопонимания...

Наших цветных братьев...

Я верю в тебя, Человек...

Расовые предрассудки...

Понять и полюбить...

Десятки, сотни страниц атакуют меня со всех сторон, навязывают мне свои мысли. Хотя, по-моему, хватило бы и строки. Достаточно ответить лишь на один вопрос — и проблема цветных перестанет быть столь серьезной.

Чего хочет человек?

Чего хочет чернокожий?

Наверняка я разгневаю своих цветных братьев, но все же рискну заявить, что чернокожий — не человек.

Существует некая область небытия, предельно стерильная, бесплодная, по большому счету обнаженный склон, где внезапно естественным образом может возникнуть нечто новое, неожиданное. В большинстве случаев чернокожий лишен преимущества, которое позволило бы ему осуществить этот спуск в сущий ад.

Человек — не только возможность повторения и отрицания. Если сознание — действительно сверхчувственная деятельность, не стоит забывать и о том, что эта сверхчувственность неразрывно связана с проблемами любви и понимания. Человек — это ДА, вибрирующее в гармонии с космосом. Оторванный от своих корней, растерянный, обреченный в недоумении наблюдать, как одна за другой разлагаются созданные им же правды, он вынужден прекратить проецировать свои собственные противоречия на окружающий мир.

Чернокожий — это чернокожий человек; это значит, что в результате серии чувственных aberrаций он закрепился в утробе вселенной, откуда необходимо извлечь его как можно скорее.

Это важная проблема. Речь идет ни много ни мало об освобождении цветного от себя самого. И мы должны действовать постепенно и осторожно, поскольку имеем дело с двумя лагерями: лагерем белых и лагерем черных.

Тщательно изучив метафизику обоих, мы обнаружим, что нередко их границы оказываются крайне размыты.

Мы должны быть безжалостны как к бывшим губернаторам, так и к бывшим миссионерам. Для нас тот, кто обожает негров, столь же «нездоров», как и тот, кто презирает их.

И наоборот — чернокожий, желающий обелить свою расу, и чернокожий, проповедующий ненависть к белым, в равной степени уничтожены.

В конечном счете, чернокожий заслуживает не больше любви, чем, скажем, чех, и нам лишь предстоит освободить в нем человека.

Я собирался сесть за эту книгу три года назад... Но тогда ее истины сжигали меня. Сегодня я уже не пылаю огнем,

провозглашая их. Истины не следует бросать людям в лицо. Они не должны вызывать бурных эмоций. Я не доверяю бурным эмоциям.

Всякий раз, когда они вырываются наружу, пусть даже совсем немного, до нас доносятся вести о пожарах, голоде, нищете... И о попрании человека.

Бурные эмоции — любимое оружие слабых.

Тех, кто раскаляет железо, чтобы тут же придать ему новую форму. Я же просто хочу разогреть внутренний стержень человека и удалиться. Возможно, в результате моих усилий Человек, самовозгоревшись, научится поддерживать зажженный мною огонь.

Человек, освободившийся от трамплина — сопротивления окружающих — и погружившийся в собственную плоть в поисках смысла.

Лишь немногие читатели данной работы поймут проблемы, сопутствующие ее написанию.

В эпоху повсеместного скепсиса, когда в речах кучки подлецов уже невозможно распознать, где смысл есть, а где — сплошь бессмыслица, становится все сложнее спуститься на тот уровень, где эти категории еще не начали эксплуатироваться.

Чернокожий хочет стать белым. Белый лезет из кожи вон, чтобы стать человеком.

В предлагаемой работе я рассмотрю отношения между белыми и чернокожими.

Белый заперт в своей белизне.

Черный — в своей черноте.

Я попытаюсь установить направления развития этого двойного нарциссизма и его движущие силы.

Мне кажется неуместным открывать свой текст выводами, с которыми читатель ознакомится позднее.

Моей единственной мотивацией была убежденность в необходимости разорвать порочный круг.

Белый считает себя выше чернокожего. Это факт.

Чернокожий стремится во что бы то ни стало доказать белому богатство своей мысли и равноценность своего интеллекта. Это тоже факт.

Есть ли выход из этой ситуации?

Чуть выше я употребил понятие «нарциссизм». Я искренне считаю, что только психоаналитическая интерпретация проблемы чернокожих способна обнажить эмоциональные искажения, лежащие в основе этого вопроса. Я хотел бы произвести полный лизис страждущей вселенной. Я уверен, что личность должна принять всеобщность, универсализм, присущий человечеству, — но эта идея неминуемо напоминает мне о существовании мужчин, подобных Гобино¹, или женщин, вроде Майотты Капеции². Поэтому чтобы воплотить ее в жизнь, нам необходимо избавиться от множества изъянов, живущих в нас с самого детства.

Ницше считал, что трагедия человека — в том, что он когда-то был ребенком. Но нельзя забывать, что судьба невротика — в его собственных руках, как показал нам Шарль Одье³.

С тяжелым грузом на сердце я вынужден признать: чернокожему уготовлена лишь одна судьба. Стать белым.

Прежде чем приступить к раскрытию данного тезиса, я хотел бы обратить внимание на несколько явлений. Я занимаюсь психоанализом. Однако в то же время я осознаю, что истинное избавление чернокожего от отчужденности неминуемо повлечет за собой последствия и в социальной, и в экономической областях. Если говорить о комплексе неполноценности, то его чаще всего вызывает совокупность следующих причин:

- в первую очередь, экономические причины;
- последующая интернализация (если хотите, эпидермализация) возникшего ощущения неполноценности.

Реагируя на тенденции конца XIX века, связанные с конституционными реформами, Фрейд, как психоаналитик, отстаивал идею, что индивидуальный фактор также должен учитываться

1 Жозеф Артур де Гобино (1816–1882) — автор расовой «арийской» теории, легшей в основу идеологии немецких национал-социалистов; типологизировал нисходящей трехступенчатой иерархией расы по цвету кожи: белая, желтая, черная (здесь и далее биогр. справки — прим. ред.).
2 Майотта Капеция (наст. имя Люсет Сераню; 1916–1955) — мартиканская писательница.
3 Шарль Одье (1886–1954) — швейцарский психоаналитик и психиатр.

в этом процессе. Таким образом, в качестве альтернативы филогенетической теории он предлагал онтогенетическую перспективу. Я продемонстрирую, что отчуждение чернокожего — не просто проблема индивидуума. Поскольку помимо филогении и онтогении не стоит забывать и о социогении. Пользуясь терминами Леконта и Дамея⁴, в определенном смысле речь пойдет о социодиагностике.

Каков же мой прогноз?

Так, общество, в отличие от биохимических процессов, не может избежать воздействия человека, поскольку оно создано человеком. И прогноз способны дать лишь те, кто желает выкорчевать изъеденные червями корни этой системы.

Чернокожий вынужден вести свою войну сразу в двух плоскостях — объективной и субъективной, поскольку исторически они определяли друг друга: любое одностороннее освобождение будет неполноценным, а вера в их исключительно механическую взаимозависимость была бы непростительной ошибкой. Кроме того, в данном случае склонность к систематизации противоречит фактам. И я приведу их. Действительность на этот раз требует полного осмысления. Вопрос необходимо решить на всех уровнях.

Виноватое бормотание о намерении спасти чьи-то души не стоило бы затраченных времени и усилий.

От отчуждения нам предстоит избавиться естественным путем, пока вещи — в самом что ни на есть материальном значении слова — не встанут на свои места.

Считается хорошим тоном начинать психологический труд описанием выбранной методологии. Я пренебрегу этим правилом. Я оставлю методы ботаникам и математикам. В какой-то момент методы начинают поглощать сами себя.

Я же начну с другого. Попытаюсь рассмотреть различные позиции, которые занимает чернокожий, вступая в контакт с белой цивилизацией.

4 Leconte M., Damey A. *Essai critique des nosographies psychiatriques actuelles*. Paris: G. Doin, 1949.

Я не говорю о «дикаре из джунглей». Поскольку некоторые описываемые явления для него все еще не релевантны.

Я считаю, что уже само сопоставление белой и черной рас породило глубокий психоэкзистенциальный комплекс. Я намерен проанализировать его и тем самым уничтожить.

Многие черные не узнают себя в этой книге.

Равно как и многие белые.

Но тот факт, что я чувствую себя то чужеземцем в мире шизофреников, то сексуальным извращенцем, никоим образом не подвергает сомнению их реальность.

Позиции чернокожих, которые я описываю, имеют место быть. Я наблюдал их бесчисленное количество раз.

Среди студентов, среди рабочих, среди сутенеров Пигаля и Марсея я видел одни и те же проявления агрессии и пассивности.

Эта книга — клиническое исследование. Тот, кто узнает в ней себя, сделает шаг вперед. Я намерен убедить своего брата — как черного, так и белого — приложить все силы к тому, чтобы поскорее сорвать с себя жалкие, позорные одежды, сотканые многовековым взаимным непониманием.

В основе моей работы лежит современность. Каждую проблему человечества стоит рассматривать с точки зрения текущего момента. По-хорошему, настоящее должно стать фундаментом будущего.

И речь идет не о будущем вселенной, но о будущем моего века, моей страны, моего существования. Я не собираюсь подготавливать почву для нового мира. Я всецело принадлежу своему времени.

И ради своего времени я обязан жить. Здание будущего должно строиться человеком, живущим здесь и сейчас. Структура будущего связана с настоящим до такой степени, что прошлое, как мне кажется, необходимо преодолеть.

Первые три главы книги посвящены современности чернокожего. Я рассматриваю цветного сегодня и определяю его место в белом мире. В двух последних главах я пытаюсь дать психопатологическое и философское объяснение *бытию* черного.

Это прежде всего регрессивный анализ.

Четвертая и пятая главы построены на иных принципах.

В четвертой главе я разбираю книгу, которая представляет мне опасной⁵. Более того, ее автор, Октав Маннони⁶, сам осознает двойность собственной позиции. И это, безусловно, одно из достоинств его труда. Он дал оценку сложившейся ситуации. Мы вправе с ней не согласиться. Наш долг — донести до автора, в чем и насколько наше мнение отличается от его.

Пятый раздел, «Опыт бытия чернокожего», является особенно важным по целому ряду причин. В нем говорится о черном, столкнувшемся лицом к лицу с собственной расой. Сделаю ремарку о том, почему между чернокожим из этой главы и чернокожим, желающим переспать с белой женщиной, нет ничего общего. В последнем открыто проявлено желание стать белым — как минимум из жажды мести. В первом же случае мы, напротив, имеем дело с отчаянием чернокожего, который стремится обнаружить смысл собственной идентичности. Белая цивилизация и европейская культура привели к возникновению у черного экзистенциальной девиации. В пятой главе я также размышляю о том, что душа чернокожего, о которой нам так часто приходится слышать, на самом деле всего лишь конструкт белого человека.

Образованный чернокожий, находящийся в плену мифа о непосредственном, отзывчивом ко всему миру негре, чувствует, что его раса больше не понимает его.

Или он больше не понимает ее.

После чего поздравляет он себя с этим фактом, лишь углубляя различие, непонимание, дисгармонию, находя в них значение своей истинной человечности. Или, что случается реже, он хочет стать частью своего народа. С гневом на устах и с отречением в сердце он хоронит себя в бескрайней черной бездне. Я покажу, как эта позиция, абсолютная в своем героизме, жертвует настоящим и будущим во имя воображаемого прошлого.

5 Mannoni O. *Psychologie de la colonisation*. Paris: Editions du Seuil, 1950.

6 Доминик-Октав Маннони (1899–1989) — французский антрополог, психоаналитик, писатель; последователь Лакана.

Поскольку я был рожден на Антильских островах, мои наблюдения и выводы релевантны только для представителей Антиль — по меньшей мере, когда речь идет о чернокожем *среди своих*. Для описания различий между чернокожим с Антильских островов и чернокожим из Африки понадобилась бы еще одна книга. Возможно, однажды я ее напишу. Или же в ней не возникнет нужды — и такому исходу можно будет лишь порадоваться.